

О. Н. Иванничева

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРИГРАНИЧНОГО СЕВЕРНОГО РЕГИОНА

В статье предложены принципы комплексного социолингвистического анализа региона с учетом специфики приграничной северной территории, описаны критерии описания с учетом коллективного и индивидуального фактора, обосновывается введение понятия «этническая региональная языковая личность».

Ключевые слова: социолингвистика, языковая личность, приграничный регион.

O. Ivanishcheva

SOCIOLINGUISTIC APPROACHES TO STUDYING A BORDER NORTHERN REGION

The article suggests the principles of the complex sociolinguistic region analysis inclusive of the border northern territory specifics; outlines the descriptive criteria taking into account the social and individual factors; justifies the introduction of the “ethnic regional linguistic personality” notion

Key words: sociolinguistics, linguistic personality, cross border region.

Цель статьи — выявить специфику социолингвистического анализа приграничного северного региона (на примере Мурманской области как части Баренц-региона).

Приграничную территорию П. Я. Бакланов и С. С. Ганзей определяют как территорию, «непосредственно прилегающую к государственной границе, в пределах которой реализуются политические, инфраструктурные, экономические, социально-культурные и некоторые административные функции взаимодействия соседних стран, здесь в наибольшей степени проявляется влияние соседнего государства, его экономики и политики на все сферы жизнедеятельности населения» [1, с. 28], актуализируя компонент «*влияние соседнего государства*». В рамках Баренц-региона такими соседними России государствами являются государства Северной Европы.

Баренцев Евро-Арктический регион (БЕАР, Баренц-регион, Баренцев регион) занимает ту часть Европы, которая находится за Полярным кругом, и охватывает территорию в 1,23 миллиона квадратных километра. Первоначально в Баренц-регион вошли крайние северные области Рос-

сии: Архангельская и Мурманская — и северные области Скандинавии и Финляндии (губернии Лаппланд в Финляндии, Тромс, Финнмарк и Нурланд в Норвегии, Норрботтен в Швеции). Позже к нему присоединились Республика Карелия, Ненецкий автономный округ, округ Оулу (Финляндия), Вестерботтен (Швеция) и Республика Коми. В Баренц-регион входят также архипелаги Новая Земля и Земля Франца Иосифа.

Один из основных факторов успешного функционирования Евро-Арктического Баренц-сотрудничества и региона в целом, по мнению создателей концепции регионального строительства, заключается в формировании образов *общей северной идентичности*, межнационального чувства объединения. Факторы для такого единения имеются, а именно: общность природно-климатических условий, которые характеризуются суровым климатом, ранимой природой, значительной удаленностью от национальных центров, малой плотностью населения, а также общность исторических и торговых контактов между Норвегией и русским Поморьем, а также — генетическое родство финского и карельско-

го этносов. Идея создания транснациональной северной идентичности российскими учеными подвергается сомнению. Так, И. Н. Белобородова считает эту перспективу весьма отдаленной, так как, по ее мнению, северные европейские территории России, чаще обозначаемые как Русский Север, занимают особое место в формировании этнорегиональных образов, поскольку устойчиво воспринимаются обыденным и отчасти научным сознанием как «монолитная» «древнерусская» культура, сохранившая в «первозданном» виде главные культурные достижения наших предков [4].

Хотя культуры, входящие в культурное пространство Баренц-региона, являются некомплементарными (славянская, финно-угорская, германская), тем не менее общность геополитических, экономических и культурных интересов в истории народов позволяла говорить о некоем региональном единстве на разных уровнях: на уровне европейского русского севера использовалось понятие «Русский Север», на уровне стран зарубежной Северной Европы – понятие «*Norden*», а на уровне региона Кольского полуострова – понятие «*Кольский Север*».

В термин «*Кольский Север*» И. Л. Фрейдлин объединил все старые и современные названия области: Кольский уезд, Александровский уезд, Мурманский уезд, Мурманская губерния, Мурманский округ Ленинградской области, Мурманская область [9, с. 4]. По мнению И. А. Разумовой, Кольский Север, рассматриваемый как социокультурное пространство, по ряду признаков может быть объединен с рядом других северных территорий. Во многом сходны процессы заселения и индустриализации «северов», тенденции, касающиеся демографического развития и межэтнических коммуникаций. Типологически сходны северные промышленные города. Вместе с тем Кольский Север имеет и ярко выраженные отличия от прочих «северов». Это, как утверждает И. А. Разумова, связано с геополитическим положением Мурманской

области и ролью научного фактора в развитии края [20, с. 5]. Понятие *Кольский Север*, наряду с геополитическим и историческим представлением, в сознании жителя Кольского полуострова ассоциируется с образом *северянина*. Авторами проекта «Живущие на Севере: процессы и механизмы социальной адаптации в Евроарктическом регионе (история и современность)» подчеркивается идея *разности* Севера [11]. В рамках нашего исследования более актуальной представляется идея *региональной идентичности*. Под региональной идентичностью понимается осознание человеком принадлежности к общности людей, отграниченной от других определенными территориально-административными границами (см., напр.: [15, с. 107]). Она может быть рассмотрена как высокая степень адаптации к данному месту. Поэтому, как справедливо утверждает И. А. Разумова, признание себя северянином строго не детерминировано ни этнической принадлежностью, ни длительностью проживания на севере, ни фактом рождения, ни иными социально-демографическими или биографическими факторами [20, с. 6].

В последние десятилетия население Мурманской области под влиянием экономических и миграционных условий подвергается воздействию дестабилизирующих явлений, видоизменяется и сущность Баренц-сотрудничества как интегрирующего фактора. Поэтому принципиальным для анализа нашего материала является положение Хабермаса о том, что «признание различий – признание других в их инаковости – может быть причислено к признакам общей идентичности» [8, с. 41]. Важно, что наличие разных этнических групп** и их сосуществование на территории Кольского Севера создает дополнительные условия для формирования региональной идентичности.

Мурманская область – территория, на которой живут представители разных национальностей: в Мурманской области, согласно переписи 2002 г., более 100 наци-

ональностей. Среди них русские составляют 85,2%, украинцы — 6,4%, белорусы — 2,3%, татары — 0,9%, азербайджанцы — 0,5%, мордва — 0,3%, чувашаи — 0,3%, карелы — 0,2%, коми — 0,2% населения Мурманской области. В Мурманской области в 2002 г. были зарегистрированы 1995 представителей коренных малочисленных народов Севера, что составляет 0,19% общего числа населения. В 2002 г. саами составляли 88,6% общего числа населения коренных народов Севера (в 1979 г. их количество составляло 90,5%), ненцы — 8,1% (в 1979 г. — 7,7%), эвенки — 0,6% (в 1979 г. — 0,4%). Динамика численности населения коренных малочисленных народов Севера в Мурманской области очевидна. Увеличение численности связано с фактором национального самосознания: все больше и больше представителей осознают себя частью своего народа и заявляют свою национальность. Тем не менее огромная работа, которая ведется общественными организациями, представляющими интересы народа саами, составляющего 0,15% населения Мурманской области, не приводит к увеличению численности населения, свободно владеющего саамским языком. Из языков, которыми, кроме русского, владеет население Мурманской области, выделены английский (8,6%), украинский (5%), немецкий (2,4%), белорусский (0,9%), азербайджанский (0,5%), молдавский (0,2%). На территории области действуют 38 национально-культурных объединений, представляющих разные этнические группы. 17 национально-культурных автономий входят в Консультативный совет по делам национальностей при Правительстве Мурманской области.

Единицей социолингвистического анализа региона в научной литературе выступают языковая ситуация, социально-коммуникативная среда, полиэтническое языковое пространство.

Языковая ситуация определяется как совокупность языковых образований, т. е. языков и вариантов языков, обслуживающих

некоторый социум (этнос и полиэтническую общность) в границах определенного региона, политико-территориального объединения или государства [17, с. 101–102]. Обсуждая это понятие, А. Д. Швейцер берет за его основу *социально-коммуникативную систему*, включающую всю совокупность используемых данным коллективом языковых систем и подсистем, и расширяет формулировку Л. Б. Никольского за счет включения в понимание языковой ситуации не только социально-функциональное распределение, но и иерархию социально-коммуникативных систем и их компонентов (подсистем) [23, с. 131–145]. К социально-коммуникативной системе относится совокупность кодов и субкодов, используемых в данном языковом обществе и находящихся друг с другом в отношениях функциональной дополнителности. А. Д. Швейцер особо подчеркивает функциональный аспект этого понятия. Сравнивая понятия *социально-коммуникативная система* и *языковая ситуация*, В. И. Беликов и Л. П. Крысин отмечают, что компоненты социально-коммуникативной системы находятся друг с другом в определенных отношениях и функциональные отношения между этими компонентами и формируют языковую ситуацию. Языковая ситуация — это характеристика социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования [3, с. 25–27]. Уточнение фактора времени в определении языковой ситуации очень существенно [5, с. 72]. По мере развития социолингвистики углубляется и изменяется интерпретация многих фактов. Так, по-новому дается анализ языковой ситуации. А. И. Кузнецова отмечает, что в настоящее время при описании языковой ситуации того или иного района страны четко прослеживается связь целого ряда факторов социолого-демографического характера с фактом признания языка своей национальности в качестве родного [16, с. 28–29].

Языковую ситуацию можно описывать не только в границах государства, но и в границах особых культурных областей

(ареалов). В. А. Виноградов, А. И. Коваль и В. Я. Порхомовский в своем исследовании делают основным и исходным понятие *коммуникативной среды*, которая не сводима к понятиям *социальная группа* и *этническая общность*. В отличие от социальной группы, коммуникативная среда представляет собой фрагмент населения с его базовыми этноязыковыми характеристиками. Но в определении коммуникативной среды, в отличие от этнической общности, не вводится никаких ограничений относительно ее этнической гетерогенности, и тем самым отпадает презумпция ее культурного и языкового единообразия. Границами коммуникативной среды не являются ни границы той или иной этнической общности, ни границы распространения языка; коммуникативная среда выделяется лишь по степени интенсивности внутренних коммуникативных связей, характерных для определенных ареалов, из которых складывается общая картина страны или географической области [7, с. 9–11].

В исследовании М. М. Бауэр вводится понятие *полиэтнического языкового пространства* области, которое понимается как региональное системно-семантическое поле в совокупности взаимосвязанных признаков и характеристик, динамично изменяющихся под влиянием новых этнодемографических и геополитических условий. Региональное системно-семантическое поле, по мнению автора, составляют языки коренных жителей, языки диаспор и языки иммигрантов. Отсюда вытекает полилингвизм при явном доминировании языка титульной национальности — русского — и сохранении «островков» иных национальных языков [2, с. 14–15].

Под понятием *коммуникативное пространство полиэтничного региона* Л. Ф. Карелина представляет полилингвокультурный феномен, под которым понимается совокупность признаков лингвокультурологического характера, сформировавшихся (и формирующихся) в общем пространственном размещении культур [14, с. 12].

В целях нашего исследования также существенно подчеркнуть именно *этнический, языковой и культурный фактор*, а не социальный, хотя, само собой разумеется, социальные характеристики останутся востребованными в той или иной степени. Поэтому для нас актуальным является понятие «*социолингвистический портрет*», в котором в рамках комплексного подхода к описанию языковой ситуации региона сочетается коллективное и индивидуальное начало.

К критериям комплексного социолингвистического портрета северного приграничного региона, позволяющим выявить *общие (коллективные)* черты, можно отнести следующие: 1. *Население, его национальный и этнический состав*: Население Мурманской области и ее национальный состав. Динамика населения по этническим группам и ее причины. Межэтнические браки. (*Источники данных*: Итоги Всероссийских переписей, данные местной статистики.) 2. *Языки этнических групп региона*: Языки, их состав. Количество говорящих, понимающих, читающих на языке. Степень владения языков. Мероприятия по сохранению языка (клубы, кружки, курсы, газеты, литература, средства массовой информации). Функционирование языка. Формы коммуникации (устно, письменно, аудиовизуально). Характер взаимодействия коммуникантов (индивидуальный (межличностный), индивидуально-групповой, межгрупповой, межсоциальный, межнациональный (международный)). Типы коммуникации (диалог, монолог). (*Источники данных*: Итоги Всероссийских переписей; анкетирование, интервьюирование.) 3. *Самоорганизация (национально-культурные автономии)*: Когда создана автономия, в чем ее задачи, конкретные мероприятия. (*Источники данных*: материалы Управления Федеральной регистрационной службы; интервьюирование руководителей автономий.) 4. *Государственное регулирование*: Политика регионального правительства по вопросу сохранения языка и культуры эт-

нических групп. Анализ публикаций средств массовой коммуникации. (*Источники данных*: интервьюирование представителей Правительства Мурманской области, результаты контент-анализа публикаций средств массовой коммуникации.)

Ситуация в Мурманской области характеризуется *разноязычным социумом*, который, по М. В. Дьячкову, отличается тем, что в них, не образующих единого языкового коллектива, так как индивиды владеют различными языками и разным их числом, коммуникация осуществляется посредством общего для всех языка-посредника [10, с. 5].

Одними из методов получения социолингвистического материала является анкетирование и интервьюирование. В рамках настоящего исследования проводилось анкетирование представителей этнических групп Мурманской области, позволяющее дать анализ доминантных социальных, коммуникативных и лингвистических факторов. Поэтому в анкету включены вопросы, охватывающие несколько параметров: первая группа параметров позволяет выявить социальные характеристики интервьюируемых; вторая группа соотносится с функционированием языка в пространстве данной языковой личности; третья группа позволит наметить пути прогнозирования витальности языка в данной этнической группе в данном регионе.

Так, вопросы первой группы параметров предполагают анализ информации о месте и годе рождения, количестве лет, проведенных в Мурманской области, эмиграции и иммиграции, месте работы и должности, семейном положении и о желании уехать с Севера. Вопросы второй группы позволят проанализировать данные о языках, на котором интервьюируемый говорил в детстве, говорит на работе, общается с детьми и супругой/супругом, на каком языке опрашиваемый думает, какой язык понимает, на каком языке читает и т.п. Прогнозирование жизнеспособности языка данной этнической группы в данном регионе может

быть осуществлено при учете ответов на вопросы третьей группы — о чтении сказок, стихов на родном языке, о наличии интереса к радио- и телевидению и к газетным публикациям на родном языке. Кроме того, впервые в подобного рода исследованиях было введено *социокультурное антропони-мическое измерение* в пространстве данной языковой личности: анализу подвергнется информация о том, какие имена дают/планируют дать опрашиваемые своим детям, какова этимология этих имен. Первоначальные наблюдения показывают, что имя, зафиксированное в паспорте у лица данной национальности, зачастую в общении заменяется на русское. Этот факт русификации имен должен быть зафиксирован в анкетном листе.

В результате анкетирования и интервьюирования информантов разных малых этнических групп Кольского Севера выявились некие совокупности, позволяющие выявить *индивидуальные* черты жителя области и названные нами *этнической региональной языковой личностью*.

Языковая личность как самостоятельный объект изучения, введенный в научный обиход В. В. Виноградовым, И. Р. Богиним, Ю. Н. Карауловым, представляет собой прежде всего *социальный* тип, поэтому социолингвистический аспект ее описания связан с выявлением *социального статуса* говорящего через его речь [18, с. 4]. В настоящем исследовании актуальным является не столько социальный статус языковой личности, сколько ее *регионально-этнический* признак.

Понятие *речевого портрета* группы носителей языка, как отмечает Л. П. Крысин, берет свое начало в диалектологии***. Основа понятия — языковые средства, выбор которых осуществляется в зависимости от целей коммуникации. Т. М. Николаева ставит вопрос о построении *социолингвистических* портретов, в которых был бы компонент, характеризующий тактику речевого поведения: выбор одних элементов и употребление их в речи в зависимости от

условий общения и неупотребление, осознанное или подсознательное отвержение других и т.д. Необходимо при этом фиксировать *яркие диагностирующие пятна*, а не все уровни и факты языковой системы [21, с. 481–482].

В нашей работе мы следовали принципам *этнической однородности и языкового разнообразия* типичного представителя той или иной национально-культурной автономии. Под *этнической однородностью* будет пониматься определяемая самим информантом национальная принадлежность, под *языковым разнообразием* – владение несколькими языками (русским и родным). Актуальным при этом будут не особенности в наборе языковых единиц или речевом поведении, а *языковое самосознание, которое проявляется в оценке знания своего родного языка*.

Вопрос об этнической региональной языковой личности в связи с этим решается в пользу моделирования «по совокупности признаков, релевантных для определенной категории говорящих и для определенной категории ситуаций» [13, с. 17]. Такими *признаками* стали признание определенного языка родным; наличие условий для изучения языка в детстве (семье, школе); существование языковой среды (в детстве, юношестве, зрелом возрасте); мотивация к изучению родного языка академическим путем; желание сохранение родного языка в собственной семье; сохранение фольклорной традиции, в которой носитель языка испытывает коммуникативную потребность (последний признак выделяет В. Д. Лютикова; об этом см.: [13, с. 17]).

Ведущим понятием в определении этнической региональной языковой личности является понятие *родной язык*, критерии выделения которого в современной лингвистике достаточно спорны (см., напр: [6, с. 46; 10, с. 15–17]). В связи с этим большие трудности возникают при определении понятия родной язык во время переписи населения: основания для ответа на вопрос о том, какой язык опрашиваемый

считает родным, у разных лиц были различны, а разъяснение понятия в инструкции переписчику довольно туманно (родной язык – это язык, который опрашиваемый считает своим родным). В связи с этим В. И. Беликов и Л. П. Крысин требуют внимательного и критического отношения к статистическим данным при их использовании в социолингвистических исследованиях [3, с. 236–238]. С этими проблемами мы тоже столкнулись в ходе полевых социолингвистических исследований. Информанты, отвечая на вопрос о родном языке, в основном ориентировались на фактор знания языка своей национальности (евреи, например, называли родным языком русский, азербайджанцы – азербайджанский и русский, говорящие на саамском языке саами – русский и саамский).

Языковые биографии этнических региональных языковых личностей**** как аспект социолингвистического описания региона позволяют представить тот материал, который не вошел в описание типичных признаков личности, т. е. еще более индивидуализировать и тем самым объективизировать описание. Многие из этнических немцев г. Мурманска, например, рассказывали, что они начали изучать свой родной язык на курсах, чтобы доказать самим себе, что они настоящие немцы. Ср. отрывок из устного интервью с информантом (м., 22 года): «Мне на работе сказали: “Как же ты не знаешь своего родного языка, какой же ты после этого немец?” И я вдруг понял, что это правда».

Современные социолингвистические подходы к описанию приграничного северного региона требуют, по нашему мнению, учета факторов *регионализации и глобализации*, факторы *этнической и региональной идентичности*, а также языкового фактора – *оценки знания родного языка*, что позволит сделать выводы о наличии специфичной языковой модели на территории, подвергающейся одновременному действию центробежных и центростремительных сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ [грант № 08-04-43401 а/с «Социолингвистический портрет приграничного северного региона (на примере Мурманской области как части Баренц-региона)»], в рамках научно-технической программы Мурманской области.

** В исследовании будут использоваться термины: малые этнические группы, диаспоры, малые народы, малочисленные коренные народы. Малые этнические группы принципиально отличаются от малых народов. К последним относятся малочисленные автохронные самостоятельные этносы со своим языком, территорией, культурными традициями, национальным самосознанием, спецификой быта и др. К малым этническим группам относятся народы, которые живут компактными массами за пределами своей исконной родины и находятся, как правило, в окружении иноязычного большинства [22, с. 32]. В нашем исследовании термины: диаспора и малая этническая группа являются синонимами, а понятия малый народ и малочисленный коренной народ отличаются количественным фактором.

*** Изучение речевых портретов, по замечанию Е. А. Земской, может строиться по трем направлениям: во-первых, выявление общих особенностей речи; во-вторых, описание речи отдельных лиц на всех уровнях языка, специфики их речевого поведения, отражающее как общие черты, присущие человеку как представителю разных множеств и подмножеств, так и его индивидуальные черты, присущие ему как личности; и в-третьих, изучение судьбы отдельных особенностей языка, влияние на них сложной совокупности социолингвистических факторов [12, с. 100–101]. Примерами реализации первого направления являются социально-речевые портреты представителя интеллигенции (Л. П. Крысин), носителя просторечия (В. Д. Черняк), бизнесмена (Т. А. Милёхина), «нового русского» (Е. Я. Шмелёва) [21, с. 483–534], примером реализации второго направления – речевой портрет эмигрантки первой волны (Е. А. Земская) [12].

**** Образцом для нас послужили языковые биографии финнороссов, представленных в работе Е. Ю. Протасовой [19, с. 234–300].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бакланов П. Я., Ганзей С. С.* Приграничные и трансграничные территории как объект географических исследований // Известия РАН. Сер. География. – 2004. – № 4. – С. 27–34.
2. *Бауэр М. М.* Трансформационные процессы полиэтнического языкового пространства Тюменской области: социолингвистический анализ: Автореф. ... канд. наук. – Кемерово, 2007. – 28 с.
3. *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика: Учебник для вузов. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 439 с.
4. *Белобородова И. Н.* Евро-Арктический Баренцев регион в геополитической перспективе. 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://barentsculture.karelia.ru>
5. *Боргоякова Т. Г.* Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2002. – 166 с.
6. *Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.* Социолингвистика и социология языка: Учеб. пособие. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
7. *Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовский В. Я.* Социолингвистическая типология. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 136 с.
8. Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / Отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов; Ин-т философии. – М.: Наука, 2005. – 428 с.
9. *Добров В. В.* Население Кольского Севера. – Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1967. – 71 с.
10. *Дьячков М. В.* Социальная роль языков в многоэтнических обществах: Пособие для ун-тов и пед. ин-тов. – М.: Ин-т национ. проблем образования МС РФ, 1993. – 115 с.

11. Живущие на Севере: образы и реальность: Сб. науч. ст. / Науч. ред. П. В. Федоров. – Мурманск: МГПУ, 2006. – 197 с.
12. *Земская Е. А.* Речевой портрет эмигрантки первой волны (к вопросу об объяснительной силе теории естественной морфологии) // Русский язык сегодня. Вып. 1: Сб. ст. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: «Азбуковник», 2000. – С. 100–121.
13. *Камалова А. А., Савёлова Л. А.* Лингвокультурологическое описание северной русской деревни: Учеб. пособие. – Архангельск: Поморский университет, 2007. – 339 с.
14. *Карелина Л. Ф.* Специфика языковой деятельности украинской диаспоры в полиэтническом окружении в аспекте социолингвистической контактологии (на материале Тюменской области): Автореф. ... докт. наук. – Великий Новгород, 2006. – 22 с.
15. *Кривоцова Л. А.* Этничность в контексте семиотики региональной идентичности // Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИВГУ. Вып. 1: Этническая ситуация в Ивановской области. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2007. – С. 103–115.
16. *Кузнецова А. И.* Старые социолингвистические материалы и возможность их нового прочтения (к вопросу об изменении интерпретаций в социолингвистике) // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: Статус и функции. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 18–33.
17. *Мечковская Н. Б.* Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
18. *Морозова О. Е.* Мир человека и его речь: Монография. – Архангельск: Поморский университет, 2005. – 256 с.
19. *Протасова Е. Ю.* Феннороссы: жизнь и употребление языка. – СПб.: Златоуст, 2004. – 308 с.
20. *Разумова И. А.* «Север» – категория времени // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. – Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2006. – С. 5–13.
21. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 568 с.
22. *Туманян Э. Г.* Проблема языковых этнических меньшинств: армянский язык за пределами СССР // Вопросы социолингвистики: Материалы советских социолингвистов к XII Всемирному конгрессу социологов (Мадрид, 9–13 июля 1990 г.). – М.: АН СССР, 1990. – С. 31–35.
23. *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. – М.: Наука, 1976. – 176 с.